

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48

УДК 304.4(045)

JEL I32, I30, P46, J30

Социология бедности и социологическая оценка программы по снижению уровня бедности

А. Я. Большунов^а, А. Г. Тюриков^б,

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

АННОТАЦИЯ

Официально черта бедности в России привязана к прожиточному минимуму, но с точки зрения социологии такая привязка является произвольной. *Предмет исследования* – социальные границы, социальное пространство бедности. *Цель работы* – формулировка основ подхода к преодолению бедности как социального феномена. В статье предпринимается попытка показать, как очерчено социальное пространство бедности, являющейся знаком (стигмой), которым человек помещается в специфическое пространство отчуждения, формирующее специфический этос бедности и габитус бедняка, препятствующие осуществлению любых попыток выбраться из этого состояния. Принадлежность к данному пространству конституирует бедных как «вид людей», что находит отражение в специфических механизмах референции и самореференции бедности, выражающихся в дефицитах смысла жизни. «Борьба с бедностью» предполагает создание институтов участия, которыми отношения и процессы социальной дифференциации, социального участия и референции выводятся из-под диктата экономических факторов.

Делаются выводы, что программа борьбы с бедностью должна быть построена с учетом социальной лимологии бедности и включать развитие практик и институтов участия, исключающих стигматизацию бедности и превращение бедных в «вид людей». Такие институты должны предоставить бедным широкие возможности для участия в формировании элит (профессиональных, интеллектуальных, политических). Особенно важно, чтобы к таким практикам и институтам имели доступ дети, подростки и молодежь, потому что каждым поколением осуществляется производство и воспроизводство «социальной топологии», в которой бедность образует специфическое «пространство отчуждения».

Ключевые слова: бедность; лимология бедности; стигма бедности; бедные как «вид людей» (*kinds of people*); социальная дифференциация; референция и самореференция бедности; этос и габитус бедности

Для цитирования: Большунов А.Я., Тюриков А.Г. Социология бедности и социологическая оценка программы по снижению уровня бедности. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):40-48. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48

Sociology of Poverty and Sociological Assessment of the Poverty Alleviation Program

A. Ya. Bolshunov^а, A. G. Tyurikov^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

ABSTRACT

Officially, the poverty line in Russia is tied to the subsistence minimum but from the sociological point of view, its linkage to the subsistence minimum is arbitrary. *The subject of the research* is social boundaries, social space of poverty. *The purpose of the research* was to formulate the principles of an approach to overcoming poverty as a social phenomenon. The paper attempts to outline the social space of poverty as an attribute (stigma) by which a person is placed in a specific exclusion space that forms the specific ethos of poverty and the poor man's habitus preventing any attempts to climb out of poverty. Belonging to this space institutionalizes the poor as a "kind of people", which is reflected in specific mechanisms of referencing and self-referencing of poverty expressed in the life-purpose deficits. "Combating poverty" implies the creation of participation institutions through which relations and processes of social differentiation, social participation and reference are withdrawn from the dictate of economic factors.

It is concluded that the poverty alleviation program should take into account the social limology of poverty and include the development of participation practices and institutions that exclude the stigmatization of poverty and the transformation of the poor into the “kind of people”. Such institutions should provide the poor with ample opportunities to participate in the formation of elites (professional, intellectual, and political). It is particularly important that children, teenagers and young people have access to such practices and institutions because each generation produces and reproduces the “social topology” in which poverty forms a specific “exclusion space”.

Keywords: poverty; limology of poverty; stigma of poverty; the poor as the “kinds of people”; social differentiation; reference and self-reference of poverty, ethos and habitus of poverty.

For citation: Bolshunov A. Ya., Tyurikov A.G. Sociology of poverty and sociological assessment of the poverty alleviation program. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):40-48. (In Russ.), DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ В РОССИИ

Официально черта бедности в России привязана к прожиточному минимуму, составляющему с января 2019 г. 10 451 руб. в месяц на одного человека. Согласно данным Росстата¹ доходы 20 млн россиян (15% населения Российской Федерации) ниже прожиточного минимума. При этом 67% бедных в России имеют работу, что является специфически российским явлением; возраст среднестатистического бедняка — 46–48 лет [1]. Для характеристики состояния проблемы бедности в России существенное значение имеет рост числа «новых бедных» — лиц, оказывающихся за чертой бедности вследствие того, что их доходы отстают от роста необходимых для жизни расходов (преимущественно из-за роста цен и стоимости обслуживания кредитов). «Даже в ...наиболее неблагополучной группе бедных большинство — это люди, ...скатившиеся в нее в течение собственной жизни, т. е. „новые бедные”», — подчеркивается в [2]. В частности, сейчас в зоне риска находится значительное число граждан 26–35 лет, обремененных кредитами, на обслуживание которых не хватает денег. По данным ВЦИОМ за 2018 г. количество россиян, полагающих, что их материальное благополучие в дальнейшем ухудшится, выросло вдвое. Согласно прогнозам в 2019 г. доля бедных может составить около 30% граждан Российской Федерации.

Вызов бедности стоит не только перед Россией. По данным *Oxfam*, 82% созданного за 2017 г. мирового богатства ушло 1% самых богатых людей, а 50% бедных вообще ничего не получили [3, 4].

¹ Черта бедности в России: что говорит Росстат. URL: <http://subsidii.net/ещё-выплаты/новости-о-разном/item/1115-черта-бедности-в-россии.html> (дата обращения: 15.01.2019).

ЧТО ТАКОЕ БЕДНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ?

С точки зрения социологии привязка черты бедности к прожиточному минимуму является произвольной. Несомненно, что бедность является феноменом социальной лимологии (от лат. *limes* — граница). «Социология, — пишет П. Бурдье, — представляет собой социальную топологию. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения» [5]. Люди заняты очерчиванием (поддержанием, изменением, защитой и пр.) границ, образующих различные социальные пространства. Эта деятельность по очерчиванию границ называется социальной лимологией. Бедность — это очерченное названной деятельностью социальное пространство.

Прежде всего укажем, что «черта бедности», привязанная к прожиточному минимуму, не коррелирует с границами социального пространства бедности. Согласно данным опроса «ВЦИОМ–Спутник» за 2017 г. сами граждане границей бедности считали доход на одного члена семьи в размере 15 506 руб./мес.² Но дело даже не в том, что прожиточный минимум обрекает людей на полуголодное существование. Причина в том, что стандарты, к которым «объективно» и субъективно привязывают черту бедности, отражают свойственный обществу потребления «дух консьюмеризма»³, т. е. потребления. Но, например,

² Сайт ВЦИОМ. Бедность: где грань? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=572> (дата обращения: 10.01.2019).

³ В современном мире термин «консьюмеризм» часто используется как синоним избыточного потребления. Потребление приобретает навязчивый характер, появляются психические отклонения разного рода, связанные со сформировавшейся зависимостью от желания приобретать те или иные блага.

в русской пословице «Богатство — перед Богом грех, а бедность — перед людьми» речь идет, конечно, не о потреблении. Бедность является «грехом» потому, что исключает полноценное участие человека в жизни общины, в осуществлении некоего социального «стандарта» человечности. В традиционной России и богатству, и бедности противопоставляли тороватость⁴ («кормит не богатый, а тороватый»); тороватый же тот, кто в состоянии вносить свой вклад в общее дело (например, жертвовать на храм), помогать нуждающимся, соответствовать нормам гостеприимства и т.д., т.е. тот, кто соразмерен социальному стандарту человечности. Основной тезис настоящей статьи состоит в том, что люди и сейчас, оценивая себя и других в категориях бедности/богатства, имеют в виду не только уровень потребления, но и уровень социального участия в жизни общества. Более того, в культуре и менталитете россиян эта оценка имеет не бинарный (бедность/богатство), а тринарный (бедность/богатство/тороватость) характер.

Даже с экономической точки зрения человек (*homo oeconomicus*) является не исключительно потребителем, а хозяйствующим субъектом; видами же хозяйствования являются производство, потребление, обмен и распределение. Соответственно экономически бедность выражается в ограничениях не только на потребление, но и на участие в производстве, обмене и распределении (т.е. бедность — это невозможность осуществлять хозяйственную деятельность во всех ее аспектах). Бедный лишен достойного места в общественном производстве и, главное, не имеет перспективы получить «хорошую работу» (и это обстоятельство влияет на его самосознание, вносит существенный вклад в формирование психологии бедности). Место бедного в процессе обмена (на рынке) оскорбительно ничтожно. В распределении благ он — иждивенец, что также не способствует росту его самооценки.

Собственно социологический подход к пониманию сущности социологии точно сформулирован А. Туреном: «Предметом социологии является объяснение поведения действующих лиц посредством социальных отношений, в которых они оказываются», и наивно думать, что «мож-

но ...объяснять поведение уровнем заработной платы, типом жилища или состоянием техники. Очевидно, нужно сначала превратить эти „ситуации“ в общественные отношения и прежде всего в уровни участия» [6]. В общественных отношениях эти «ситуации» приобретают социальный смысл, и именно этот смысл опосредствует (а значит, объясняет) поведение и сознание человека (подобно тому, как вещь в отношениях обмена приобретает смысл товара, и действия с вещью как с товаром опосредуются этим смыслом). Суть данного явления состоит в том, что определенные обстоятельства в определенных отношениях приобретают и имеют смысл бедности. Основным обстоятельством «ситуации бедности» является уровень заработной платы, доходов. Задача социолога заключается в том, чтобы выяснить, в каких отношениях доходы приобретают смысл богатства/бедности и в чем состоит этот смысл. По нашему мнению, ключевую роль в этом играют четыре типа отношений.

Во-первых, в рыночных отношениях доходы, заработная плата имеют смысл ответа на вопрос о ценности и достоинстве человека. «Стоимость или ценность человека, — констатировал Т. Гоббс, — подобно всем другим вещам есть его цена, т.е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой» [7]. Рыночными отношениями устанавливается, конституируется определенная мера ценности (достоинства) человека. Но вследствие «экзистенциальной безусловности» (по выражению одного из главных представителей экзистенциализма К. Ясперса) и социокультурных диспозиций человек протестует против применения к нему этой меры, не признает ее ни исчерпывающей, ни релевантной. В этом отношении низкая заработная плата воспринимается как пренебрежение достоинством человека, лишение достоинства («доколе за скотов держать нас будете» — типичная претензия низкооплачиваемых работников к работодателям). Впрочем, на острие этого противоречия имеется развилка, связанная с так называемым локусом контроля⁵. Низкая заработная плата может восприниматься как несправедливость, ответственность за которую лежит на работодателе, государстве, людях,

⁴ Тороватый — великодушный, щедрый (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

⁵ Локус контроля — понятие в психологии, характеризующее свойство личности приписывать свои успехи или неудачи только внутренним либо только внешним факторам.

которые «меня не ценят», и иных обстоятельствах. Но она может восприниматься и в ракурсе личной ответственности за свою судьбу (в этом ракурсе восприятия человек стремится повысить свою стоимость посредством образования, каких-либо инициатив и т.п.). В России данная ситуация характеризуется тем, что люди теряют веру в возможность «выкарабкаться» из бедности (повысить свою стоимость) посредством труда и образования. На этом фоне бессмысленности труда и жизненной безысходности (дефицита легитимных способов решения проблемы бедности) бедность сопрягается с девиантным⁶ и даже делинквентным⁷ поведением, в том числе в части способов решения проблем бедности (источником делегитимации, как утверждает Ю. Хабермас [8], является дефицит смыслов, порождающий мотивационный кризис; дефицит осмысленности труда ведет к делегитимации трудовых отношений и труда в целом как средства решения своих жизненных проблем).

Во-вторых, в отношениях социальной дифференциации и принадлежности доходы приобретают значение знака принадлежности к определенным социальным группам и атрибута социального статуса (бедность — это стигма, см. об этом ниже). Отстаиваемый Ж. Бодрийяром [9] тезис о том, что потребление является процессом социальной дифференциации (потребление репрезентирует социальные статусы, создает сам феномен бедности/богатства как значения знака социальной принадлежности статуса), является ключевым для социологического анализа бедности. Люди определяют, что называется, «по одежке» статус и принадлежность человека (человек «нашего» круга, «высшего света» и т.п.). При этом надо отдавать себе отчет в том, что в условиях массмедиа стандарты потребления и знаки социальной дифференциации задаются «демонстративным потреблением» (Т. Веблен) элит, а не жизненными стандартами социологов и управленцев, предполагающих сравнение «себя с соседями».

⁶ Девиантное поведение (также социальная девиация, отклоняющееся поведение) (лат. *deviatio* — отклонение) — это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм.

⁷ Делинквентное поведение — антиобщественное противоправное поведение индивида, воплощенное в его поступках (действиях или бездействии), наносящих вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

В-третьих, в отношениях участия и признания доходы приобретают смысл социального условия и социальной меры человечности (см. выше о тождатности). Социальные системы, как утверждал П. Бурдьё, функционируют в логике признания индивида человеком «нашего круга», очерчивающего в своем конечном масштабе «мир людей» (устанавливающего границу между людьми и нелюдьми). «Встречают по одежке — провожают по уму», — гласит пословица. «Одежка» является в данном случае обозначением образуемых потреблением знаков социальной дифференциации и принадлежности, а «ум» указывает на способность человека участвовать в делах и отношениях «мира людей». «Дух консьюмеризма» смещает «меру человечности» в сферу потребления и связанной с потреблением социальной дифференциации, но «серьезные отношения» обнажают иллюзорный характер этой «смещенной меры» (можно влюбиться «по одежке», но в семейных отношениях востребовано участие, а не «одежка»).

В-четвертых, используя понятийный аппарат Н. Лумана, в отношениях референции и особенно самореференции⁸ оппозиция бедность/богатство развернута как своего рода «ордината», значение которой указывает на смысл «происходящего со мной» и на сам факт осмысленности моего

⁸ «Необходимость и контингентность своей „самости“ познаются ею как артикулированное различие самореференции». «Обобщенным результатом постоянного оперирования в условиях двойной контингентности является социальное измерение всякого смысла». «Проблема самореференции... возникает в форме смысла. Всякая смысловая интенция является самореферентной, поскольку одновременно предусматривает свою повторную актуализацию, т.е. воспринимает себя в своей структуре указаний снова как одну из многих возможностей». «Феномен смысла появляется в форме избытка указаний на дальнейшие возможности переживания и действия. Что-то находится в центре внимания, намерения, а иное отмечается лишь маргинально как горизонт „и-так-далее“. Все, что входит в намерение, в такой форме оставляет для себя открытым мир в целом, всегда гарантируя тем самым и актуальность мира в форме его доступности...Смысловая форма посредством своей структуры указаний вынуждает следующий шаг к отбору. Эта принудительность отбора также входит в сознание смысла, а для социальных систем — в коммуникацию об осмысленном, так что чистая фактичность актуального течения жизни не может дать последних гарантий присоединения ни сознанию, ни коммуникации. Используя несколько иную формулировку, можно также отметить, что смысл наделяет когда-либо актуально осуществленное переживание или действие избыточными возможностями» [10].

существования. Поэтому, если семантическое пространство референции и самореференции утрачивает многомерность, банкротство часто ведет к суициду. Очевидцы свидетельствуют, что перед самоубийством Б. Березовский растерянно бормотал: «Я самый бедный человек на свете». Его актив в это время составлял более 200 млн долл., но этого ему катастрофически не хватало для воспроизводства своей «самости» — привычного образа жизни и уровня самоуважения. В отношениях самореференции бедность оборачивается катастрофическим дефицитом смысла существования, выражающегося в невозможности воспроизводства, изменения и развития «самости»⁹. Воспроизводство, изменение и развитие «самости» предполагают вклады (инвестиции) в очерчиваемое некоторым образом «мое» — в себя, свою семью, домашнее хозяйство, бизнес, «мой город», «мою страну» и т.д. Для понимания смысла бедности в отношениях референции существенно, что человек, взявшийся своими руками и за свой счет построить церковь в «своей деревне», побуждаем не мотивами социального участия (торопливости), а мотивами самореализации.

БЕДНОСТЬ КАК СТИГМА

Напомним приведенное выше утверждение: «бедность перед людьми — грех». Стигма (от др.-греч. *στίγμα*) — «знак, клеймо, пятно, отметина (от англ. *stigma* — клеймо, ярлык). И. Гофман [11] под стигмой понимает особенности, свойства человека или произошедшие с ним события, навлекающие на него позор и/или отвращение. Стигма образует «пространство отчуждения», в которое помещаются стигматизированные индивиды. Этим пространством и принадлежностью к нему формируются специфический этос бедности и габитус¹⁰ бедняка, на характер которых указывают ассоциации, сопрягающие бедность с различными пороками и асоциальностью (пьянство, грязь, преступность, заразные

⁹ Категория самости здесь используется в смысле, близком к хайдеггеровскому: «выражением „самость” мы отвечаем на вопрос о присутствии», указывая на его «способность быть самим собой» (Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem; 1997. С. 267).

¹⁰ Габитус — одно из основных понятий в теории Пьера Бурдьё, который трактуется как система приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный принцип действия.

болезни и т.п.). Эти этос и габитус становятся непреодолимым препятствием к осуществлению попыток «выбраться из бедности». Стигматический характер бедности особенно наглядно проявляется в отношении к таким социальным группам, как бомжи, «попрошайки». Наконец, на стигматический характер бедности указывают нарративы типа «бедность — это судьба» (по сути, то же клеймо).

БЕДНЫЕ КАК «ВИД ЛЮДЕЙ»

Под «видом людей» подразумевается введенное Я. Хакингом и его последователями понятие *kinds of people, interactive kinds* [12, 13]. Четыре признака указывают на превращение социальной группы в «вид людей»:

- формирование закрытой, замкнутой коммуникативной и интерактивной сферы;
- создание механизмов прямого социального самовоспроизводства группы (бедные женятся на бедных и рожают бедных);
- формирование в общественном сознании устойчивого представления о группе (бедные воспринимаются как социально несостоятельные, девальвированные люди);
- группа идентифицируется как «они» и сама себя идентифицирует как «мы»; это обстоятельство выражается в появлении «сленговых» названий и самоназваний группы (чтобы убедить в существовании таковых, достаточно заглянуть в аккаунты представителей наших «элит» — «нищоброды», «быдло», «генетическое отребье» и пр.); параллельно «в группе хронических бедных как „ядро” российской бедности ...идет ...активное формирование идентичности представителей „социальных низов”» [2].

«Они [бедные] все больше отрываются от остального общества. Их социальный капитал, их связи, как правило, завязаны на такие же бедные семьи. В итоге эта группа замыкается на себе и начинает самовоспроизводиться», — утверждает С. В. Мареева [14].

Превращение бедных в «вид людей» ведет к деконструкции человеческих отношений с этой группой вплоть до элиминации нравственных обязательств по отношению к ней («они же недолуги и по-человечески к ним относиться бессмысленно»). Иллюстрацией к этому тезису является «наивная простота» нашумевших высказываний

чиновников о бедных¹¹, собранных в публикации «Макарошки, кора дуба и белоручки. 10 самых скандальных высказываний чиновников в 2018 году» [16].

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПО СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ БЕДНОСТИ

С 2019 г. в восьми пилотных регионах России реализуется правительственная программа снижения уровня бедности «Социальная поддержка граждан». Каковы перспективы этой программы с точки зрения социологии бедности?

1. Программой предусматривается разработка «траекторий выхода из малообеспеченности»¹² для семей, живущих за чертой бедности. При этом критерием эффективности такой «траектории» устанавливается факт преодоления черты бедности, привязанной к прожиточному минимуму. Но очевидно, что изменение доходов семьи с 9 тыс. руб. на человека в месяц до 11 или даже 15 тыс. руб. не выведет семью из социального пространства бедности, разве что «макарошек» станет количеством побольше. Иными словами, место в социальной дифференциации, в отношениях социального участия и референции превышением доходов черты прожиточного минимума не изменится, если даже ориентироваться на «стандарт потребления», предусматривающий всего лишь рациональное (здоровое) питание, доходы в 11–15 тыс. руб. его не обеспечат. Общество это осознает, свидетельством чему являются многочисленные публикации типа «Борьба правительства с бедностью в России закончится победой бедности» [15].

2. Программой предусматривается заключение с бедными некоего «социального контракта»,

¹¹ «Когда чиновник заявляет, что в нашей стране вполне можно прожить на 3500 рублей в месяц, кажется, он потерял всякий стыд», — замечает Л. Овчарова, проректор ВШЭ, директор Института социальной политики [15].

¹² М.А. Топилин в ходе заседания Российской трехсторонней комиссии по социально-трудовым отношениям заявил, что подготовлен первый драфт мероприятий по исполнению национальной цели по снижению в два раза уровня бедности. Сейчас договорились с рядом регионов провести на их территориях эксперимент по персонализированному выявлению семей с низкими доходами, с тем чтобы построить для них траектории выхода из малообеспеченности. URL: <https://proshkolu.ru/user/NIKA1907/blog/577099>.

которым, по мнению А.Л. Кудрина, бедным будет гарантировано привлечение к «общественным работам»¹³. Эффективно «социальный контракт» будет функционировать только в «логике признания» в случае его заключения в обмен на доступ к общественным работам и готовность вести образ жизни, соответствующий каким-то требованиям. Но «социальный контракт» в понимании А.Л. Кудрина не включает достаточно сильных стимулов (мотивов) его выполнения. С большой долей вероятности можно предполагать, что «социальный контракт» не будет благоприятно воспринят обществом.

3. Вряд ли общество поверит, что власти не осознают, что не решают проблемы бедности. В лучшем случае кто-то подумает, что Правительство РФ намерено задействовать испытанный механизм общественных работ для преодоления или хотя бы для сглаживания экономического кризиса (т.е. имеет экономический смысл). Так или иначе общество решит, что власть затеяла «игру», целью которой является создание иллюзии действий, рассчитывая подменить новый общественный договор неким соглашением, пытаясь уйти от реальных реформ, направленных на перераспределение доходов (национального богатства).

4. На Российском инвестиционном форуме в Сочи в 2019 г. Д.А. Медведев призвал:

1) «подумать о пересмотре наших взглядов на то, как мы относим людей к категории бедных: исходить в большей степени из расходов человека, как это стараются делать во всем мире»;

2) «составить более подробный социальный портрет бедности в нашей стране» [17].

Сблизят ли эти предложения программу «Социальная поддержка граждан» с социологией бедности, обоснованно можно будет судить только после того, когда станет ясно, как конкретно будут реализованы эти предложения. Настоящую статью можно рассматривать как вклад в составление социального портрета бедности.

¹³ А.Л. Кудрин пояснил, что социальный контракт, заменяя пособие по безработице, представляет собой минимально оплачиваемые ставки, чтобы гражданин не просто сидел и получал пособие по безработице, а работал. В частности, глава Счетной палаты заявил, что речь идет об общественных работах, где не требуется высокая квалификация сотрудника. Зарплата может варьироваться от 10 до 20 тыс. руб. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5832712> (дата обращения: 12.01.2019).

КАК БОРОТЬСЯ С БЕДНОСТЬЮ?

Конечно, повышать уровень доходов и обеспечивать более приемлемый уровень потребления надо. Но этого недостаточно.

Во главу угла должны быть поставлены институты участия, обеспечивающие высокий уровень социальной интеграции, исключающей стигматизацию бедности и превращение бедных в «вид людей». Понятно, что в таких институтах отношения и процессы социальной дифференциации, социального участия и референции должны быть выведены из-под диктата экономических факторов (таких как уровень потребления, доходы) и консьюмеризма. Они должны противопоставить стоимостной оценке достоинства и ценности человека иные критерии социального, социокультурного и экзистенциального характера. Характеризуя демократизм афинской социально-политической системы, Перикл в знаменитой речи подчеркнул: «Наш государственный строй называется народоправством ... На почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-либо отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. *Бедность не мешает занять почетную должность. ... Признание в бедности у нас ни для кого не является позором*, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом ... Каждый ... может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях» [18]. На современном языке суть сказанного в том, что в Афинах *бедные принимают участие в формировании элит*¹⁴.

Особенно важно *снижать уровень детской бедности. И суть дела состоит не в абстракции «равных возможностей», а в воспроизводстве в каждом поколении социальной системы, в которой бедности отводится место, оппозиция бедности/богатства приобретает тот или иной социальный смысл. Именно для детей должны быть созданы общественные институты участия и социальной интеграции, предотвращающие превращение бедности в стигму, а бедных — в «вид людей».*

Существенно при этом, что общественные практики и институты участия должны быть

¹⁴ Конечно, очерченный Периклом образ греческой демократии на проверку оказался иллюзорным, но это не отменяет ценности тех артикуляций, которые присутствуют в речи Перикла.

конкурентоспособными. Например, нужна конкурентоспособная государственная массовая школа (не школа «для бедных» — для тех, у кого нет возможностей оплатить элитарное образование). В качестве примера можно привести вокальный конкурс «Ты супер!» для детей, оставшихся без попечения родителей. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» предполагает «обеспечение права каждого на свободный доступ к физической культуре и спорту как необходимым условиям развития физических, интеллектуальных и нравственных способностей личности, права на занятия физической культурой и спортом для всех категорий граждан и групп населения» (в том числе предусматривает развитие достаточно демократичных институтов детско-юношеского спорта). Такие практики, как «Ты супер!» и детско-юношеские спортивные школы являются для обездоленных «окнами возможностей» для участия в формировании элит в сферах эстрады и спорта. Но, во-первых, такого рода практики катастрофически дефицитны. Во-вторых, согласно сформулированному К. Поппером «парадоксу свободы», суть дела не в правах, а в условиях, которые позволяют воспользоваться правами как жизненными возможностями¹⁵.

¹⁵ Этот тезис находится в фокусе обсуждения К. Поппером соотношения правовой и социальной систем (гл. 17 второго тома книги «Открытое общество и его враги») и определяется им как парадокс свободы. «Маркс пытался показать, что и при совершенной правовой системе экономическая система будет функционировать таким образом, что рабочие не смогут воспользоваться своей свободой. ... Я уверен, что несправедливость и бесчеловечность описанной Марксом ... капиталистической системы не подлежит сомнению. Особенности этой системы можно лучше понять, используя то, что ... мы назвали парадоксом свободы. Свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем ... ограничения свободы государством ... Никто не должен жить за счет милосердия других ... Я считаю, что эти соображения, первоначально относившиеся к анализу царства грубой силы ... должны быть применены также и к экономической сфере» [18]. К. Поппер полагает, что этот парадокс может быть разрешен посредством государственного регулирования — наложения ограничений на произвол тех, кто располагает ресурсами для того, чтобы воспользоваться своими правами и возможностями в ущерб остальным, которое, в свою очередь, ограничено демократическими процедурами. Но предлагаемое К. Поппером решение может быть поставлено под сомнение: не представляет ли оно собой своего рода «порочный (логический) круг»?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарасов А. Уровень бедности в России. URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html> (дата обращения: 15.01.2019).
2. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь Мир; 2014. 320 с.
3. Буянов Д. Борьба правительства с бедностью в России закончится победой бедности. URL: <https://regnum.ru/news/2508606.html> (дата обращения: 16.01.2019).
4. Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения. *Вестник Института социологии*. 2018;3(26):101–120.
5. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя; 2007. 288 с.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
7. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль; 1991. С. 66.
8. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис; 2010. 264 с.
9. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект; 2007. 335 с.
10. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука; 2007:40,162,97–98.
11. Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3–6). URL: http://globalteka.ru/books/doc_details/11041——.html.
12. Hacking I. Kinds of people: moving targets in proceedings of the british academy. Lectures. 2006;151:285–318.
13. Khalidi M. Interactive kinds. *British Journal for the Philosophy of Science*. 2010;61(2):335–360.
14. Скобелев И. Причины, почему граждане России никогда не выберутся из бедности. Интервью с С.В. Мареевой, кандидатом социологических наук, старшим научным сотрудником Института социологии РАН. URL: <https://vodakanazer.ru/novosti/obschestvo/prichiny-pochemu-grazhdane-rossii-nikogda-ne-vyberutsya-iz-bednosti.html> (дата обращения: 15.01.2019).
15. Рощеня Д. Экономика бедности. Как живут 20 миллионов россиян. Говорим с проректором ВШЭ, директором Института социальной политики Лилией Овчаровой. URL: https://www.pravmir.ru/ekonomika-bednosti-kak-zhivut-20-millionov-rossiyan/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 15.01.2019).
16. Старицкая А. Макарошки, кора дуба и белоручки. 10 самых скандальных высказываний чиновников в 2018 году. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/makaroshki-kora-duba-i-beloruchki-10-samyh-skandalnyh-vyskazyvanij-chinovnikov-v-2018-godu> (дата обращения: 15.01.2019).
17. Старостина Ю. Медведев призвал создать социальный портрет бедности. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2019/5c6681319a7947900741690a>.
18. Речь Перикла о достоинствах афинян. URL: <https://librolife.ru/g4213077> (дата обращения: 15.01.2019).
19. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива»; 1992. 528 с.

REFERENCES

1. Tarasov A. The level of poverty in Russia. URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
2. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Poverty and the poor in modern Russia. Moscow: Ves' Mir; 2014. 320 p.
3. Buyanov D. The government's fight against poverty in Russia will end in the victory of poverty. URL: <https://regnum.ru/news/2508606.html> (accessed 16.01.2019). (In Russ.).
4. Mareeva S. V. Social inequalities and the social structure of modern Russia in the perception of the population. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2018;3(26):101–120. (In Russ.).
5. Burd'e P. Sociology of social space. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii. St. Petersburg: Aleteiya; 2007. 288 p. (In Russ.).
6. Turen A. The return of the man in action. Essay of sociology. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p. (In Russ.).
7. Gobbs T. Works in 2 tons. T. 2. Moscow: Mysl'; 1991:66. (In Russ.).
8. Khabermas Yu. The problem of legitimation of late capitalism. Moscow: Praksis; 2010. 264 p. (In Russ.).

9. Bodriyar Zh. To criticism of political economy of the sign. Moscow: Akademicheskii proekt; 2007. 335 p. (In Russ.).
10. Luman N. Social system. Essay on the general theory. St. Petersburg: Nauka; 2007:40,162,97–98. (In Russ.).
11. Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3–6). URL: http://globalteka.ru/books/doc_details/11041---.html (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
12. Hacking I. Kinds of people: moving targets in proceedings of the british academy. Lectures. 2006;151:285–318.
13. Khalidi M. Interactive kinds. *British Journal for the Philosophy of Science*. 2010;61(2):335–360.
14. Skobelev I. The reasons why russian citizens will never get out of poverty. Interview with S. V. Mareeva, candidate of sociological Sciences, senior researcher of the Institute of sociology of RAS. URL: <https://vodakanazer.ru/novosti/obschestvo/prichiny-pochemu-grazhdane-rossii-nikogda-ne-vyberutsya-iz-bednosti.html> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
15. Roshchenya D. Economy of poverty. How 20 million russians live. We speak with HSE Vice-rector, Director of the Institute of social policy Lilia Ovcharova. URL: https://www.pravmir.ru/ekonomika-bednosti-kak-zhivut-20-millionov-rossiyan/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
16. Staritskaya A. Pasta, oak bark and CIT. 10 most scandalous statements of officials in 2018. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/makaroshki-kora-duba-i-beloruchki-10-samyh-skandalnyh-vyskazyvanij-chinovnikov-v-2018-godu> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
17. Starostina Yu. Medvedev called for a social portrait of poverty. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2019/5c6681319a7947900741690a> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
18. The speech of Pericles on the virtues of the athenians. URL: <https://librolife.ru/g4213077> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
19. Popper K. R. Open society and its enemies. Vol. 2: time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Moscow: Feniks, International Fund “For Cultural initiative”; 1992. 528 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Яковлевич Большунов — кандидат психологических наук, доцент, директор Центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет, Москва, Россия
andrey.bolshunov.1955@gmail.com

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
t-ag2013@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Bolshunov Andrey Ya. — Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof., Director of the Center for Social Expertise and Development, Financial University, Moscow, Russia
andrey.bolshunov.1955@gmail.com

Tyurikov Alexander G. — Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Sociology, History and Philosophy Department, Financial University, Moscow, Russia
t-ag2013@yandex.ru

Статья поступила 20.01.2019; принята к публикации 25.03.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.01.2019; accepted for publication 25.03.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.